

СУДЬБЫ И КОНТУРЫ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Е.В. Зорина

ФИЛОСОФИЯ СОБСТВЕННОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Аннотация. Предметом исследования является рациональная реконструкция содержательных смыслов категории собственности в европейской социально-философской мысли. Особое внимание уделено уточнению объема понятий «философия экономики», «философия хозяйства», «собственность», «право собственности». Раскрывается логика формирования и социокультурный контекст философских проектов собственности, относящихся к различным историческим периодам. Дифференцированы сценарные и программные подходы к философскому осмыслению собственности, разница, между которыми показывает цели и специфику изменения категории собственности. Традиции и современные представления о собственности проанализированы в единстве и специфических особенностях.

В статье использованы методы рациональной реконструкции, компаративистики, системного анализа.

Рациональная реконструкция обеспечила понимание развития идей собственности в истории социально-философской мысли; компаративистика привела к сравнению классических и современных смыслов собственности; системность помогла обосновать единство онтологического и эпистемологического аспектов феномена собственности. Основные выводы в рамках рабочей гипотезы состоят в следующем: во-первых, философское осмысление собственности, предшествующее экономическому, имеет четко выраженные рациональные и ценностные признаки; во-вторых, тенденции изменения смыслов собственности обусловлены ролью глобальных и технологических факторов и, тем самым, включили в свою орбиту широкий внеэкономический контекст; в-третьих, собственность в качестве теоретического и цивилизационного феномена современности исчерпывает традиционные ресурсы развития и ставит проблему трансформации в пост-глобальном мире.

Ключевые слова: глобализация, современность, традиция, смыслы, трансформация, философия хозяйства, философия экономики, собственность, сетевая экономика, философия собственности.

Review. The subject of the study is the rational reconstruction of a meaningful sense of ownership in the category of European social studies and philosophy. Particular attention is given to clarify the scope of "philosophy of economy", "philosophy of economy", "property" and "ownership". Zorina reveals the development logic and socio-cultural environment of philosophical projects of ownership at different periods in history. The researcher also differentiated scenarios and policy approaches to the philosophical concept of ownership the difference between which shows the objectives and specificity of changes in the concept of ownership. Tradition and modern concepts of ownership are analyzed from the point of view of their unity and specific features. In her research Zorina has used the methods of rational reconstruction, comparative philosophy and systems analysis. Rational reconstruction has provided for the understanding of the ideas of ownership in the history of social studies and philosophy; comparative method has allowed to compare traditional and modern definitions of ownership; systems approach has helped to justify the unity of the ontological and epistemological aspects of the phenomenon of ownership. The main conclusions made within the framework of the current hypothesis are the following. Firstly, philosophical definition of ownership that appeared before the economic definition has distinct rational and value attributes. Secondly, the tendency to change definitions of ownership was caused by global and technology factors, and thus included the non-economic context as well. Thirdly, ownership as a theoretical phenomenon of the modern civilization exhausts traditional development resources and raises the problem of transformation of the post-global world.

Keywords: philosophy of ownership, networked economy, globalization, property, philosophy and economics, philosophy of economy, transformation, meanings, tradition, modern age.

О смысле собственности в теоретическом и практическом контекстах носит междисциплинарный характер, выражая интересы экономики, цивилизациологии и философии. Философия как теоретический инструмент анализа изучает собственность с позиций соотношения уникального и универсального, общего и особенного, рационального и иррационального, духовно-ценностного и утилитарно-прагматического. Собственность в оптике «философских проблем экономики» является элементом научного знания, а в качестве философии раскрывает свои социально-онтологические, этические и антропологические измерения.

Очевидно, что философия собственности является одним из форматов более широкой области – философии экономики, призванной обобщать и раскрывать социокультурные (онтологические) и теоретические (эпистемологические) основания моделей экономического развития и поведения субъектов экономических отношений. Но в сфере теоретизирования по поводу экономического знания есть еще одна эпистемологическая единица – «философия хозяйства». Предметное единство философии экономики и философии хозяйства несомненно, но гораздо интереснее между ними различие. Понятие «философия экономики» более широкое: его появление обусловлено разнообразием теоретических конструкций, выражающих усложнение мира экономических отношений, начиная с эпохи Модерна. Хозяйство является экономической категорией, которая раскрывает способы производства и присвоения природных объектов. Историческая динамика хозяйства такова, что сами способы хозяйствования (кочевничество, оседлость, государственная, корпоративная формы хозяйствования) формируют специфические картины хозяйственной реальности. На этом основании О.И. Ананьин разграничивает «мир хозяйственной культуры», «мир хозяйствующего субъекта» и «мир богатства» [1]. Понятно, что в основе лежит различие между культурологическим и антропологическим измерениями хозяйства. Но не стоит упускать из виду, что хозяйственная картина мира – это именно картина, в которую включены и онтологические, и эмоциональные, и теоретические элементы. Мир экономических моделей несколько иной: в нем приоритет отдается рациональным конструкциям, приверженность которым в конечном итоге задает «формулу» успеха тому или иному способу конкретного хозяйствования.

Философия экономики нацелена на анализ целерационального субъекта (экономического актора и его способности сделать наилучший выбор) и универсальных его признаков, а философия хозяйства – на ценностное измерение экономических отношений в его неповторимых свойствах. Иными словами, философия хозяйства задается традиционным пониманием хозяйства как явления культурной и духовной жизни [2], поэтому образ собственности «принадлежит к области права, нравственности и психологии» [3, с. 313]. Православно-ориентированная модель собственности базируется, как считает Н.Б. Шулевский, на нравственном универсализме: «в социогенетику Руси заложена идея, что или все люди должны спастись, или никому не суждено быть; или благо для всех должно быть, или же не быть ему вовсе; или все люди – сыновья Божьи и братья по жизни, или же людям не стоит жить в качестве людей» [4, с. 20].

Православная модель хозяйства – не единственная религиозная модель, утверждающая влияние любой религии на хозяйственную деятельность. В книге Т.Б. Ковалева «Религия и экономика. Труд, собственность, богатство» (2014) собственность и богатство проанализированы на примерах древней и современной религиозной мысли. Общим выводом является утверждение, что эти категории выступали прежде всего как нравственные, а сами экономические отношения воспринимались в качестве одной из форм духовной культуры общества. Отмечено также, что принцип «равнообеспечивающего равенства, имеющий цель сохранения рода», утвержденный в древних религиозных общинах, с течением времени трансформировался в принцип социальной справедливости [5, с. 5], поддерживающий согласие в обществе.

Сравнение отличительных черт философии экономики и философии хозяйства дает возможность сделать предположение о том, что собственность в философии экономики имеет характер целерациональной парадигмы, а в философии хозяйства – парадигмы этической. Фактически речь идет о границах и способах применения двух видов исследовательской методологии – сценарной и программной. Разница между ними выражена в ориентации на поиск новых идей (сценарии, модели развития) или на достижение уже известных целей [6, с. 35, 301]. Оба способа понимания собственности присутствуют в мировой философской мысли, причем они актуализированы таким образом, что от идей (генезиса собственности, ее сущности, антро-

пологической «нагруженности») произошел поворот к программам (например, собственность как право собственности, частная собственность и необходимость ее демонтажа), и вновь к антропосоциальным, этическим ее перспективам.

Основным в длительном пути поиска определений и смыслов собственности является ее переход из разряда экономической категории в социальную. Если социальность – это интеракция, взаимодействие, отношение [7, с. 13], то собственность – это особый фигурант цивилизационного порядка. Собственность как система социальных отношений (К. Маркс), собственность как форма обеспечения людей благами, «существующими в ограниченном количестве» [8, с. 16], собственность как «право собственности», собственность как часть материальной и духовной культуры, собственность как богатство общества – все подходы к определению свидетельствуют об увеличении ее категориального содержания и одновременном признании социальным феноменом, успешно преодолевшим границы экономического мышления.

Первые философские алгоритмы понимания социального смысла собственности заложены Платоном и Аристотелем. Одним из важнейших достижений Афинской школы явился проект идеального государства-полиса, основанного на принципах общественного блага и справедливости. И таким образом, в философии собственности были сделаны первые шаги по ее осмыслению в категориях морального сознания общества. Платон и Аристотель фактически сформулировали первую в философии экономики перспективу – единство собственности и социальной справедливости, ту идею, которая через века определила гуманистическое содержание гражданского общества, социального государства, социальной ответственности власти и гражданина за свое государство. Идея интеграции экономического и этического социокодов разделяется большинством современных мыслителей с той целью, чтобы «хозяйственная деятельность соответствовала двойственной функции экономики – эффективному снабжению людей благами и предоставлению им возможности самореализации» [9, с. 311].

В рамках идеи справедливого и устойчивого государства-полиса была поставлена проблема субъекта собственности. Для Платона таким субъектом выступал низший социальный слой – ремесленники, горожане, земледельцы. Властители и воины в идеальном платоновском государстве не были обременены собственностью, но обладали

мудростью и отвагой, которые позволяли им думать не о себе, а об обществе и его процветании. Схожие мысли можно найти у русских славянофилов. Так, И.В. Киреевский писал: «В устройстве русской общественности личность есть первое основание, а право собственности только ее случайное отношение» [10]. Для Платона собственность на весах нравственности для «госаппарата» есть зло. Другое дело – Аристотель, увидевший в собственности источник социального порядка. В результате из аристотелевской модели владения собственностью возник первый образ того класса, который сегодня называется «средним», и от численности которого зависят как потенциальные риски управления обществом, так и процветание национального государства. Разве не видны в социальной онтологии знаменитых греков первые проблески грядущих теоретических споров об альтернативности частной и общественной собственности, о роли идеи социальной справедливости в реальной практике экономической деятельности?

Укоренение капиталистических отношений собственности в качестве порядка обменно-предпринимательской деятельности и рыночной экономики отразилось в размышлениях философов эпохи модерна. Договор, обмен, естественное право человека на собственность становятся содержанием теоретического проекта института собственности в западной Европе. Важным шагом социальной мысли этого времени было то, что этическая ценность собственности оказалась совместимой с рациональным мышлением, а позднее и с целерациональной экономической деятельностью. Для Т. Гоббса отношения между собственниками – продукт договора и права, основа гражданского мира и сотрудничества. Д. Локк, исходя из «правила собственности» (присвоение природного продукта в соответствии с нормами человеческого общежития и труда), вводит прагматический вектор в парадигму собственности, выражающийся в конвенциональности прав собственности, закономерном ее накоплении и расширении прав накопления богатства. Таким образом, идея естественного права соединилась с законодательным правом: теория собственности в проекте Модерн приобрела качество неограниченности и законодательной защиты ее прав государством. Позднее произошло объединение идеи естественного права собственности, законодательного права и института собственности: собственность в конечном итоге предстала в качестве социального института, легитимирующего права

субъекта по отношению к материальным и нематериальным благам. Собственность трансформируется в стратегический процесс достижения максимального богатства (и личного, и социального), а в тактическом плане – в привлекательность присвоения прибыли, полученной от собственности, превышающей возможности заработной платы.

Процесс изменения собственности – движение от семейной собственности к индивидуальной, и от нее – к частной, ставит вопрос о смысле частной собственности. Частная собственность физических лиц существовала не одну тысячу лет, но только с превращения в частную начинается время её преобразования. Семейная классическая собственность средневековья отличается от частной тем, что её нельзя было продать (прежде всего, землю). Выступая гарантом семейного благополучия, такая собственность не способствует экономической активности. Атомизация интересов индивида, вызванная просветительской верой в человека и его разум, в его свободу и права, привела к правовому закреплению собственности физического лица, что в конечном итоге обусловило возникновение института частной собственности. Капиталист-хозяин объединял труд наемной силы с обязательством платить собственникам труда ренту (оплату труда) и реализовывать продукт. Интеграция в мануфактурном производстве независимых друг от друга людей – капиталиста и наемного рабочего, сразу проявила мобильные качества новой социальной организации, такие, как заменяемость работников («незаменимых нет»), социальный заказ на «человека под функцию» (своеобразный аналог механистического мировоззрения).

Появление юридического лица (новой иерархической модели собственника) было институциональной новацией, цель которой заключалась в преодолении риска банкротства и необеспеченности самой жизни членов общества. Смена иерархической модели показала экономическую неэффективность отчуждения работника от жизни корпорации (фирмы, концерна) и содействовала становлению менеджизма, и в целом, философии управления экономическими объектами. Необходимо в этой связи отметить, что современные стратегии интеграции всех уровней иерархии, свойственные восточным (азиатским) экономикам, показали свои конкурентные преимущества по сравнению с западной моделью.

Исторические изменения частной собственности могут быть поняты с помощью функциональ-

ного и субъектного подходов. Функциональный подход указывает на возможности распоряжения собственностью; собственность можно продать, завещать, обменять, словом, собственность имеет признак отчуждаемости. Субъектный подход указывает на собственность физических и юридических лиц, даже если она не отчуждается. Вместе с тем, признак отчуждения должен быть дополнен целью владения и распоряжения собственностью. В этом случае частная собственность получает конкретный смысл сохранения и/или увеличения (присвоения) прибыли (богатства). Субъектный подход не только показывает, что с «частной» формой следует обращаться грамотно, но и то, что вне субъекта (того, как влияет на мир субъективных чувств и мотиваций собственность) анализ собственности совершен быть не может. Например, в немецкой классической философии собственность получила ценностное обоснование (ценность свободы и ценность собственности у Канта взаимодополнительны); Гегель обосновывал незыблемость правовой природы собственности. Общим для них оказался аргумент человеческой природы, которая является действительной основой присвоения и владения собственностью.

Переход к «сильному» социальному аргументу произошёл в экономической философии К. Маркса, в которой собственность выступает уже не как естественное право человека, а как форма отношения между людьми по поводу присвоения материальных благ. В результате буржуазная собственность предстала в «чистой» абстрактно-экономической форме – как средство присвоения прибавочной стоимости и эксплуатации труда капиталом. Общественные отношения эпохи становления частной собственности, свободной конкуренции и свободного рынка в рамках классической марксистской экономической модели предстали как отношения отчуждения. С точки зрения идеологии частной собственности, изменения выразились в том, что обладание и господство оказались встроенными не только в сознание людей, но и в ценностно-культурную сферу. «Частная собственность, – писал К. Маркс, – сделала нас столь глупыми и односторонними, что какой-нибудь предмет является нашим лишь тогда, когда мы им обладаем, т.е. когда он существует для нас как капитал или когда мы им непосредственно владеем, едим его, пьем, носим на своем теле, живем в нем и т.д. – словом, когда мы его *потребляем*, – хотя сама же частная собственность все эти виды непосред-

ственного осуществления владения, свою очередь, рассматривает лишь как средство к жизни, а для которой они служат средством, есть жизнь частной собственности – труд и капитализирование. Поэтому на смену всех физических и духовных чувств стало простое отчуждение всех этих чувств – чувство обладания» [11, с. 120]. Из приведенного рассуждения К. Маркса вытекают несколько важных для нашей темы выводов. Капитал (сначала производственный, а затем финансовый) становится базовой формой собственности, капитализирование – основным механизмом изменения функций собственности в обществе. На более общем, социокультурном уровне, собственность принимает непосредственное участие в целенаправленном конструировании общественных отношений, что выражается в укреплении форм легитимации (правовой и идеологической) института собственности. «Священное право» собственности обеспечивает не только защиту прав ее владельцев, но и раскрывает матрицу экономического дискурса западноевропейского генезиса, выражающую приоритет целерационального конструирования и трансформации социального пространства: политическая и экономическая сферы жизнедеятельности общества, интегрированные с наукоемкими технологиями, как они исторически складывались на протяжении последних полутора столетий, в конце концов привели к экономике потребления, к тому, что Маркс и назвал «чувством обладания».

Другим важным выводом Маркса было утверждение, во-первых, неизбежности капиталистической формы социальных отношений для западного общества (марксистская теория собственности вовсе не предназначена «роковым образом» к практическому применению каждым из народов), и, во-вторых, об исторической ограниченности капитализма и революционном переходе к более прогрессивному коммунистическому типу общественных отношений. Русские философы – Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, С.Н. Булгаков и др., прошедшие через увлечение марксизмом, чуждые «чистому» экономическому мышлению, заметили в экономической философии Маркса гуманитарную традицию, что не могло не произойти, учитывая ценностно-нравственную ориентацию русского способа философствования. Нравственная правда сильнее правды экономической: собственность существует во имя человечности, духовного и материального богатства как человека, так и общества, а не во имя абстрактного экономического закона.

Таким образом, философская оценка марксистской теоретической модели собственности приобретает характер нравственной парадигмы, которая созвучна внутренней интенции русской философии.

Согласно К. Марксу, «отличительной чертой коммунизма является не отмена собственности вообще, а отмена буржуазной собственности» [12, с. 438]. Идеология и экономическая практика советского периода вместе с «водой из ванны выкинула и ребенка», проявив радикализм в отношении любой собственности вообще, кроме социалистической. Земля «ничейной» собственности фактически была присвоена государственно-бюрократическим аппаратом, что «выключило» эффективные ресурсы экономического развития – конкурентные, корпоративные, рыночные. Вместе с тем, стоит заметить, что госсобственность в СССР до определенного времени эффективно способствовала жизни и росту благополучия граждан. Дело в том, что свобода экономического субъекта (субъекта частной собственности) далеко не всегда обеспечивает его выживание точно так же, как экономическая несвобода не мешает способности существовать.

Упразднение разнообразия субъектов экономических отношений (отношений собственности) и их редукция к анонимному субъекту (государству) привело к противоречивым результатам. С одной стороны, отождествление владения и управления и их централизация позволило сосредоточить силы на промышленном «прорыве» страны, на созидании того общественного богатства, которым мы по праву гордимся и сегодня. Но с другой – жизненная установка «все, как у всех» противоречила деятельной, творческой деловой активности. Личный бизнес не приветствовался и был вынужден уходить в «тень», «авторское право» заменяло патент; тотальная регламентация экономических отношений обескровливала экономику. С одной стороны – высокая социальная защищенность, с другой – отсутствие серийного современного наукоемкого производства, компенсацией которого выступила сырьевая «игла».

Таким образом, стратегия «монособственности» вскрыла и обострила проблему соотношения централизованного управления и экономического интереса. 90-е гг. внесли в нее свои коррективы: теория реформирования экономических отношений в новой России приобрела элементы «робинзонады»: считалось, что формирование собственника в западном понимании (частного собственника)

тождественно возникновению «эффективного» собственника. Однако, устранение государства из сферы регуляции экономических отношений и следование идеалам «свободного рынка» такового не произвело. Реальность превзошла все ожидания: появился собственник-олигарх, «эффективность» которого не распространилась на общество, но породила ценность сверхпотребления, доступного очень малой социальной группе. Ирония «истории с собственностью» заключается в том, что на смену одной монособственности (государственной) пришла другая монособственность – олигархическая. Господство последней оценивается в отечественных теоретических работах экономистов, философов, социологов в целом отрицательно, поскольку она уничтожает интерес малого и среднего бизнеса. «Симфонический» идеал многообразия собственности зависит не от жесткости средств государственного контроля, а от способности собственника быть социально ответственным и от возможности гражданского общества влиять на олигархический капитал, контролировать его. В реализации симфонического идеала собственности, можно сказать, важнейшую роль играет не «собственность-машина» по извлечению прибыли, а мотивация принятия решений. Простота симфонизма не механическая, а органическая: собственность может выступить ресурсом объединения товарного производства и присвоения, экономического суверенитета и обеспеченности достойным существованием, экономической необходимости и гражданской свободы. Конечно, такая модель раскрывает возможности должного, но ведь проблема должного – общего блага, достойного существования, свободы заключена «тайна» философского анализа, направленного не только на «злобу дня».

Трансформация собственности в результате перехода к промышленному производству (эпохе индустриализма), и от него к производству знаний (постиндустриализм, информационный технологический уклад) изменила и субъекта и объект собственности, а также само понимание сущности и роли собственности в современном обществе. Экономический субъект эпохи постиндустриализма находится в условиях, когда знание становится производительной силой независимо от индивидуальных носителей знания. Знания не подвержены отчуждению потому, что не являются частной собственностью. Признак присвоения собственности в этом случае становится всеобщим в том смысле, что всеобщность и доступность информа-

ционных процессов делает собственность более «прозрачной», более контролируемой, хотя и далеко не полностью.

Закономерное объединение процессов глобализации и тотальной информатизации (переход к цифровым технологиям) обусловили не столько техническую сторону функционирования института собственности, сколько трансформацию его структуры и роли в тактике и стратегии цивилизационного движения. Так, в книге Э. и Х. Тоффлеров, названной ими «евангелием перемен», говорится об общественном богатстве как итоге революционных процессов в экономике. Это богатство «можно определить как любую форму собственности, частной или коллективной, которая обладает таким качеством, которое экономисты определяют как «польза»; богатство гарантирует нам ту или иную форму благополучия» [13, с. 303]. Иными словами, речь идет здесь о переносе смысла собственности в потребительскую сферу: собственность формирует богатство общества, и этим богатством пользуется все общество. Насколько обоснована такая инверсия по сравнению с классическим марксистским подходом? Очевидно, что в модели собственности как общественного богатства отражены действительные черты ее трансформации под влиянием информационных технологий и фактора глобализации, объективных для западного культурного ареала. Ресурс капиталистического типа экономических отношений оказался задействован не в последнюю очередь благодаря тому, что собственность из инструмента экономического принуждения (эксплуатации) была повернута к субъекту-потребителю. Понятно также, что таким субъектом выступил средний класс – средний и малый бизнес, сфера услуг. Преференции получили также и беднейшие слои населения. В этом случае признак «владения» облекся в форму «потребления», что было жизненно необходимо для развития западного общества. Но ведь есть еще один признак – управление собственностью. Если учитывать общий тренд современной социально-экономической мысли в сторону приоритета менеджизма (эффективного инструмента конструирования экономической реальности), то проблемы управления собственностью не менее существенны, чем ее потребление, поскольку последнее происходит из принципов первого.

Трансформация смыслов собственности в условиях глобализации затрагивает такие области теории, как система целерационального действия (влияние на собственность техники и технологии),

взаимосвязь собственности и уровней социального порядка, социальная и культурная идентичность, символическая природа собственности. Так, например, согласно В. Гроссману, биржа – символ американской идентичности; символ западной культуры в целом – экран, занимающий в сетевом обществе то место, которое определяет и свободу личности и её внутренний мир [14]. Поскольку эти символические фигуры находятся в центре трансформирующегося социального пространства, то, можно предположить, в них отражается движение капитала в виртуально-финансовые сферы, в область масс-медиа. Собственники средств информационного воздействия в таких условиях способны переформатировать поля культуры в нужном для геополитических целей направлении, создавать эффективные симулякры псевдореальности, вполне способной заменить традиционные формы идентичности. Экономический институт собственности защищает сегодня, как и прежде, саму культурную матрицу западной идентичности, хотя и делает это на новых технологических основаниях.

Производственный капитал, являвшийся центром института собственности в эпоху индустриализма, был вытеснен из центра на периферию финансовым капиталом. Деньги и банк стали не только «кровеносной системой» и специфической технотекстурой, но и символом трансформации капитала. Прагматика капитала, соединенная с переводом собственности «в цифру» (технологической виртуализацией), продемонстрировала ресурсные возможности института собственности, но не уничтожила социальное неравенство и не привела к «хорошему» обществу. Казанский логик, Н.А. Васильев, в начале XX в., обосновывая закон истощения духовной деятельности людей и социумов, утверждал, что «прагматизм – это техника, которая объявила себя философией» [15, с. 29]. Поэтому не ценности, а экономические интересы (прибыль) в конечном итоге определяют поведение собственника; не культура, а эффективность социального актора (эффективный собственник, успешный бизнесмен) вместе с представлениями о деловом партнерстве (не дружбе или братстве) и конкуренции доминируют в системе экономических отношений.

Тенденции к усложнению социального субъекта собственности (индивид, корпорация, государство), технологические инновации в усилении влияния капитала на общество, рост обеспеченности граждан и их социальной защищенности про-

явились как изменения формы собственности, но сущность капитала не изменилась. Исследуя онтологию «глобального капитала», А.Н. Бузгалин и А.И. Колганов пришли к выводу, что эксплуатация труда капиталом «сегодня стала еще и одним из важнейших атрибутов тоталитарной гегемонии капитала корпоративного» [16, с. 125]. В написанном ими и презентованном в декабре 2014 г. двухтомнике «Глобальный капитал» [17] получил обоснование ряд суждений, раскрывающих итоги трансформации собственности в XXI в. Капитал представлен как виртуальный, символический, тоталитарно-рыночный инструмент совершенствования присвоения прибыли. Симулякры реальных инвестиций, динамика опережающего роста сферы потребления (сверхпотребления), подчинение экономики фиктивному виртуальному финансовому капиталу (интересно не качество товара, а его бренд), усовершенствованные способы «обвала» экономик государств, отстаивающих свой суверенитет и идентичность, указывают на эффективное использование новых свойств капитала для старой цели – доминирования западной культурной матрицы в глобальном масштабе.

Ещё один значимый вывод, содержащийся в книге «Глобальный капитал», лежит в антропосоциальной плоскости. Авторы совершенно справедливо отмечают, что вместо развития сил общественного человека современный капитал как форма организации собственности, имеет место «объективация» (если использовать термин Бердяева) человека, т.е. превращение человека из субъекта в объект, в средство, или в «машину желаний» согласно постмодернистской метафоре. Человек в этом случае, сидя перед монитором компьютера или экраном телевизора, теряет, не замечая того, и свободу и частично утрачивает свои творческие способности. В таких условиях подстегивается деформация этического социокода, усиливается деградация демократических идеалов.

Кризисные явления особенно чувствительны для незападных стран с переходными экономиками. Вестернизация бывших социалистических экономик восточной Европы, слом основ общественной социалистической собственности привел к появлению режимов олигархического капитализма, обнищанию народа, социальному дисбалансу. В России практика разгосударствления собственности (приватизация), сопутствующая ей коррупция, монетарная идеология, олигархический капитал ответственны за формирование сырьевой эконо-

мики и ее неэффективность. «Сложившаяся система экономических отношений в обществе противоречива и, как говорили раньше, антагонистична. Упразднен не только закон вознаграждения по труду, но и принцип распределения по капиталу. Вовсю действует закон извлечения монопольных сверхприбылей для олигархических кланов, узурпировавших основные средства производства и богатства» [18, с. 309]. Западная калька экономического развития так и не привела к появлению «эффективного собственника», зато в сфере размышлений о «русском капитализме» стимулировала поиск новых смыслов собственности, отвечающих историческим архетипам социальной справедливости [19] желанию народа жить достойно. Выдающийся экономист, творец «немецкого чуда» Л. Эрхард так писал о цели экономической деятельности: «экономические концепции и уклады всегда были и будут подвержены изменениям, однако вечной остается цель экономической деятельности – служить и содействовать благосостоянию людей» [20, с. 30].

В заключение необходимо отметить, что «Запад перестает быть универсальным образцом развития, и начинают преобладать национальные модели модернизации, основанные на собственных приоритетах, трактовках и решениях проблем развития каждой страной» [21, с. 17]. Потеря западной культурой функции образца ставит две теоретические проблемы по отношению к собственности: проблему пределов глобализации и проблему соотношения западного и западного сценария развития капитализма. В первом случае речь идет о глобальной экономике, во втором о культурной идентичности. Глобальный капитализм не привел к «глобальной собственности», хотя процесс глобализации привел к ее концентрации в финансово-экономической области. Глобальная собственность не может быть реализована на том основании, что сама глобализация выступает закономерным результатом трансформации западной формы капитализма, этапом его развития. К тому же есть веский повод обсуждать не саму глобализацию, а следующий этап – постглобальный мир. К

такому выводу ведет и практика торможения процесса глобализации, тенденция к регионализации национальных экономик, осознание политическими элитами как западных, так и незападных стран своего собственного национального экономического суверенитета и приоритетов собственных экономических интересов. Постглобальный мир начинается там, где универсально-глобальное подчинено уникально-национальному. Возможно, что и суждение К. Маркса о том, что «у капитала нет родины», способно измениться в том смысле, что капитал обретет свою «родину»: теряя признак глобального, он приобретет свойство национального, из средства экономического доминирования превратится в инструмент социального развития.

Сценарии развития западного капитализма могут выглядеть различно: от признания неуклонной закономерности повторения западного пути до убеждения в существовании собственного пути. Авторы книги «Глобальный капитализм: три великие трансформации» пишут: «Мы предлагаем два сценария развития западного капитализма: либо как культурно и политически изолированно действующей экономической машины, либо как этап нового Нового времени для западных стран – своего рода повторения Первой великой трансформации, повторения генезиса, характерного для западного капитализма, и возможное достижение его классической фазы – индивидуализма, индустриализма, формирования или даже строительства буржуазных наций, меняющуюся в сравнении с Первой великой трансформацией роль идентичностей» [22, с. 20]. Думается, что для России более эффективен первый вариант: полиэтническая социальная организация, симфонизм вероисповеданий, сохранение этического социоклада служат предпосылкой самостоятельного цивилизационного развития. В условиях, когда палитра социальных связей в России оказывается полностью поглощенной рыночными отношениями и нарастают кризисные тенденции, как раз и закладываются сценарии постглобальной экономики с ориентацией на общественное благо и национально-государственную идентичность.

Список литературы:

1. Ананьин О.И. Экономическая теория: кризис парадигмы и судьба научного сообщества. М., 1992.
2. Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М.: Наука, 1990.
3. Соловьев В.С. Оправдание добра: Нравственная философия. М., 1996.
4. Шулевский Н.Б. Встречи с иным. О философии хозяйства Ю.М. Осипова. М.: МГУ, 2007.
5. Ковалев Т.Б. Религия и экономика. Труд, собственность, богатство. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2014.
6. Пригожин А.И. Дезорганизация: Причины, виды, преодоление. М., 2007.

7. Гречко П.К. Социальное: истоки, структурные профили, современные вызовы. М., 2009.
8. Каменецкий В.А., Патрикеев В.П. Собственность в XXI столетии. М.: Экономика, 2009.
9. Козловский П. Принципы этической экономики / Пер. с нем. СПб., 2001.
10. Киреевский И.В. О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России. (URL: <http://russzastava.narod.ru/kireevskiy1.html>).
11. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. в 50-и тт. 2-ое изд. М.: Изд-во политической литературы, 1955-1981. Т. 42.
12. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. в 50-и тт. 2-е изд. М.: Изд-во политической литературы, 1955-1981. Т. 4.
13. Тоффлер Э., Тоффлер Х. Революционное богатство: как оно будет создано и как изменит нашу жизнь. М., 2008.
14. Гроссман В. Мистерия центра: идентичность и организация социального пространства в современных и традиционных обществах // Вопросы философии. 2008. № 2.
15. Васильев Н.А. Третий Международный философский конгресс в Гейдельберге. Материалы. СПб., 1909.
16. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Эксплуатация XXI века. (URL: http://www.intelros.ru/pdf/svobodnay_misl/2012_7_8/11.pdf).
17. Бузгалин А.В., Колганов И.И. Глобальный капитал. М.: Едиториал УРСС, 2007.
18. Цаголов Г.Н. Модель для России. М.: Международные отношения, 2008.
19. Орехов А.М. Справедливость как базисный принцип устройства общества: путь к очевидности // Вопросы философии. 2010. № 9.
20. Эрхард Л. Полвека размышлений. Речи и статьи. М.: Наука; ТОО «Ордынка», 1996.
21. Федотова В.Г. Российская история в зеркале модернизации // Вопросы философии. 2009. № 12.
22. Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Глобальный капитализм: три великие трансформации. М.: Культурная революция, 2008. (URL: http://iph.ras.ru/uplfile/root/biblio/kapitalizm_2008.pdf).

References (transliteration):

1. Anan'in O.I. Jekonomicheskaja teorija: krizis paradigmy i sud'ba nauchnogo soobshhestva. M., 1992.
2. Bulgakov S.N. Filosofija hozjajstva. M.: Nauka, 1990.
3. Solov'ev V.S. Opravdanie dobra: Nравstvennaja filosofija. M., 1996.
4. Shulevskij N.B. Vstrechi s inym. O filosofii hozjajstva Ju.M. Osipova. M.: MGU, 2007.
5. Kovalev T.B. Religija i jekonomika. Trud, sobstvennost', bogatstvo. M.: Izd. dom NIU VShJe, 2014.
6. Prigozhin A.I. Dezorganizacija: Prichiny, vidy, preodolenie. M., 2007.
7. Grechko P.K. Social'noe: istoki, strukturnye profily, sovremennye vyzovy. M., 2009.
8. Kameneckij V.A., Patrikeev V.P. Sobstvennost' v XXI stoletii. M.: Jekonomika, 2009.
9. Kozlovskij P. Principy jeticheskoy jekonomiki / Per. s nem. SPb., 2001.
10. Kireevskij I.V. O haraktere prosveshhenija Evropy i ego otnoshenii k prosveshheniju Rossii. (URL: <http://russzastava.narod.ru/kireevskiy1.html>).
11. Marks K., Jengel's F. Sobr. soch. v 50-i tt. 2-oe izd. M.: Izd-vo politicheskoy literatury, 1955-1981. T. 42.
12. Marks K., Jengel's F. Manifest kommunisticheskoy partii // Marks K., Jengel's F. Sobr. soch. v 50-i tt. 2-e izd. M.: Izd-vo politicheskoy literatury, 1955-1981. T. 4.
13. Toffler Je., Toffler H. Revoljucionnoe bogatstvo: kak ono budet sozdano i kak izmenit nashu zhizn'. M., 2008.
14. Grossman V. Misterija centra: identichnost' i organizacija social'nogo prostranstva v sovremennyh i tradicionnyh obshhestvah // Voprosy filosofii. 2008. № 2.
15. Vasil'ev N.A. Tretij Mezhdunarodnyj filosofskij kongress v Gejdel'berge. Materialy. SPb., 1909.
16. Buzgalin A.V., Kolganov A.I. Jekspluatacija XXI veka. (URL: http://www.intelros.ru/pdf/svobodnay_misl/2012_7_8/11.pdf).
17. Buzgalin A.V., Kolganov I.I. Global'nyj kapital. M.: Editorial URSS, 2007.
18. Cagolov G.N. Model' dlja Rossii. M.: Mezhdunarodnye otnoshenija, 2008.
19. Orehov A.M. Spravedlivost' kak bazisnyj princip ustrojstva obshhestva: put' k ochevidnosti // Voprosy filosofii. 2010. № 9.
20. Jerhard L. Polveka razmyshlenij. Rechi i stat'i. M.: Nauka; ТОО «Ордынка», 1996.
21. Fedotova V.G. Rossijskaja istorija v zerkale modernizacii // Voprosy filosofii. 2009. № 12.
22. Fedotova V.G., Kolpakov V.A., Fedotova N.N. Global'nyj kapitalizm: tri velikie transformacii. M.: Kul'turnaja revoljucija, 2008. (URL: http://iph.ras.ru/uplfile/root/biblio/kapitalizm_2008.pdf).